

ВОЗРАЖДАЮЩИЙСЯ СЕВАСТОПОЛЬ*

ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ.

Въ первой половинѣ моихъ набросковъ я сказалъ что Севастополь прекрасно и быстро обстраивается, мостится, обзаводится рядами лавокъ, имѣетъ воду и т. д. и т. д.; но опусталъ то что также можетъ свидѣтельствовать о его возрожденіи и что полагается въ основаніе развитія его духовно-нравственныхъ силъ, а именно учебно-воспитательную часть. Въ Севастополѣ есть реальное училище, въ которомъ число учащихся доходитъ до 250. Оно помѣщается въ довольно обширномъ, хотя какой-то толпорной архитектуры зданіи, выстроенаго на клзенный счетъ. Нельзя не похвалить за удачный выборъ подъ это училище мѣста, возвышеннаго и удаленнаго отъ центральныхъ частей города: здѣсь воздухъ чище и менѣе шума, котораго школьное дѣло не долюбиваетъ. Училище имѣетъ домовую церковь, устроенную на частныя пожертвованія, и довольно обильно снабжено всѣмъ что нужно для этого рода школы; благодаря теперешнему директору, пользующемуся общимъ довѣріемъ, оно ведетъ свое воспитательное дѣло и честно, и успѣшно. Но этого нельзя было сказать назадъ тому лѣтъ семь или восемь когда эта

* Окончаніе. См. Русск. Вѣст. № 3.

школа отзывалась нѣкакого рода распущенностью, доведшемъ питомцевъ своихъ до того что они выбили у своего директора стекла въ окнахъ. Съ другой стороны, могутъ ли подобныя исторіи и не случаться въ Русскомъ царствѣ, когда начальствующее надъ школою лицо или преподавателя ставя на одну доску съ дерзкимъ школьникомъ предъ „равнымъ для всѣхъ“ судомъ и при томъ послѣдняго по обычаю оправдываютъ? Это своего рода посявъ самаго злаго сѣмени. Питомецъ школы пока онъ въ школѣ, всѣмъ своимъ существомъ принадлежитъ только школѣ; здѣсь даже права родителей въ извѣстной мѣрѣ ограничиваются. Но есть другая сторона этого дѣла. Надѣюсь что благосклонный читатель проститъ мнѣ если я сдѣлаю небольшое уклоненіе въ сторону. Дорогъ намъ возражающійся Севастополь; но дѣти, будущіе граждане родной земли, для насъ всего дороже. Дурно воспитанное поколѣніе разрушитъ и то что создано отцами. Собственно образовательное или учебное дѣло у насъ поставлено удовлетворительно. Но одно образование безъ воспитанія, то-есть безъ развитія въ дѣтяхъ крѣпкихъ нравственныхъ началъ, скорѣе можетъ обратиться во вредъ чѣмъ въ пользу нашему поколѣнію. Съ однимъ первымъ молодые люди доходятъ и до висѣлицы. Къ сожалѣнію, мы должны сознаться въ самомъ печальномъ фактѣ такого рода: питомцы нашихъ школъ отличаются распущенностью, со включеніемъ сюда и питомцевъ. Въ печати немало приводилось указаній не только на недостатокъ дисциплины даже въ стѣнахъ школы, но прямо на полную разнузданность и того болѣе — на открытый развратъ въ родѣ нироваанія реалистовъ съ кокотками въ пивныхъ и трактирахъ. Этотъ тяжкій грѣхъ слагаютъ то на школу, то на семью; послѣдняя, по нашему мнѣнію, несравненно грѣшнѣе первой, ибо она или сама служитъ школою безнравственности, или ей среди хлопотъ и пустозвонства нѣкогда заниматься дѣтьми, или она слишкомъ снисходительна къ нимъ, или просто не понимаетъ дѣла воспитанія: подрастутъ де сами наберутся ума-разума. Но поставимъ вотъ какой, самъ по себѣ простой вопросъ: кто смотритъ за нравственностью питомцевъ нашихъ школъ? Въ школѣ—извѣстно кто. Но внѣ школы? Читатель изумится если прошедшіи всевозможныя школы и всю жизнь прилькнувшій къ школьному міру отвѣтитъ: никто.

Кромѣ реальнаго училища, въ Севастополѣ для мальчиковъ есть городское (прежде бывше уѣздное) и два приходскія:

а при Обществѣ Пароходства и Торговли такъ-называемое ремесленное училище, изъ котораго по прошествии четырёхъ лѣтъ выходятъ молодые люди со званіемъ мастера и притомъ, какъ опытъ показываетъ, вполне подготовленными къ дѣлу. Нельзя не поблагодарить Общество за эту школу (почти на 100 человекъ), изъ которой, благодаря обширнымъ и прекрасно-организованнымъ мастерскимъ, приспособленнымъ къ разнаго рода производствамъ, дѣйствительно могутъ выходить молодые люди подготовленными къ дѣлу и честному труду. Да къ чести администраціи надъ механическимъ заводомъ Общества и школой при немъ, она держитъ питомцевъ школы отчасти на военномъ положеніи, то-есть учись, работай и пустяками головы не забивай! Явленіе воистину отрадное.

Для дѣвочекъ въ Севастополѣ есть осмиклассная гимназія, помѣщающаяся пока въ наемномъ домѣ. Какъ слышно, она ведетъ свое дѣло съ умѣньемъ и похвальной ревностію. Кажется это подтверждается и слѣдующимъ обстоятельствомъ: живя около двухъ мѣсяцевъ въ Севастополѣ, мы не видали чтобъ юныя питомицы этой гимназіи веревачами расхаживали по улицамъ или дорожкамъ публичныхъ гуляній, въ сопровожденіи школьниковъ, какъ это, увы! намъ нерѣдко случалось видѣть (да притомъ чуть не въ часы полудночи) въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ южныхъ городовъ. Вѣчно ли живое море, широкія ли дышащая свободнымъ просторомъ степи, лучи ли южнаго солнца, такъ сильно горячащія и безъ того горячую юную кровь, располагаютъ къ подобной разнузданности, этого вопроса не рѣшаемъ; но знаемъ что очень многія изъ тамошнихъ маманекъ смотрятъ на это слишкомъ снисходительными глазками и даже сердито дуютъ свои губки если школьное начальство иначе смотритъ на это дѣло.

Кромѣ женской гимназіи, есть еще городское женское училище и одинъ частный пансіонъ, о которыхъ также идетъ добрая молва. Думается что похвальное состояніе этихъ школъ, какъ и нѣкоторыхъ изъ вышеупомянутыхъ, не мало зависитъ и отъ того что онѣ пользуются щедрой поддержкой со стороны города, котораго трезво ведущая свои дѣла дума хорошо знаетъ счетъ деньгамъ и на „блаженныхъ дѣтей“ расточать ихъ не любитъ.

Для питанія духовною пищей взрослыхъ есть общественная бібліотека и двѣ частныя бібліотеки-читальни; изъ послѣд-

нихъ можно брать книги и на домъ. Можно надѣяться что некогда существовавшая въ Севастополѣ богатая „Морская библиотека“ перевезенная въ Николаевъ со временемъ возвратится на свою родину; а въ этой библиотекѣ не одиѣ морскія книги. Была когда-то мысль * перевести Новороссійскій университетъ въ Севастополь. Какая благодать была бы для достославнаго города, для Крыма, который все еще поражаетъ своею одичалостью, благодаря мусльманскому неподвижному складу! Но открылась бы благодать и для науки, которой вовсе не мѣсто въ городѣ торгашей, спекуляцій, наживы, обмѣриваній, обвѣщиваній. Правда, и Севастополь можетъ быть шумнымъ торговымъ городомъ; но здѣсь въ противѣсть барышничеству поставится благородно-честный духъ моряковъ.

Вотъ, кажется, и все что служить къ образованію и юныхъ и возрастныхъ умовъ и сердець жителей Севастополя, число коихъ заходитъ за 26 тысячъ, а со временно-пребывающими за 30 тысячъ. Не скажутъ ли что сдѣлано по этой части немного? Не забудемъ что жизнь Севастополя едва ли можно измѣрить даже десяткомъ лѣтъ, она началась съ бывшаго головы М. И. Казы, котораго и теперь граждане вспоминаютъ съ глубокою благодарностью какъ энергическаго и заботливаго представителя нуждъ и пользы города. Припомнить надо и то что въ Севастополѣ, за немногими исключениями, живетъ народъ трудовой, думающій о кускѣ насущнаго хлѣба. По нашему мнѣнію, Севастополь и на этотъ разъ можетъ служить поучительнымъ примѣромъ. Сколько въ Русскомъ царствѣ городовъ самой сѣдой древности, но заматерѣвшихъ въ своей умственной костьи!

Благодаря недавно начавшемуся возрожденію Севастополя нельзя и ожидать чтобы въ немъ возникло заводско-фабричное производство, которое, по нашему убѣжденію, со временемъ изъ среднихъ нашихъ областей неизбѣжно переселится на югъ Россіи, о чемъ и скажемъ нѣсколько словъ. Наше пророчество, конечно, покажется для многихъ очень страннымъ; но если всмотрѣться въ суть этого дѣла, то едва ли не придется помириться съ нимъ. Заводско-фабричная промышлен-

* Одно частное лицо вызывалось построить всѣ здания для университета въ замѣнъ существующихъ въ Одессѣ, которыя и должны были бы перейти въ его собственность.

ность, правда, обусловливается густотой народонаселенія; но въдъ сгущеніе народонаселенія на южной окраинѣ Россіи во-просъ времени и большаго нашего знакомства съ этою благо-датною областью. Назадъ тому съ небольшимъ лѣтъ тридцать пять или около того въ Одессѣ была одна паровая мельница, теперь ихъ тамъ десятки; не было ни одной макаронной фабрика, и макароны, галеты и т. п. получались изъ Италіи, Марселя; неизвѣстно намъ сколько въ настоящее время подобныхъ фабрикъ, но знаемъ что тамошнія макаронныя фабрики отпу-скаютъ свои произведенія не только внутрь Россіи, но и за границу; назадъ тому менѣе двадцати лѣтъ и въ помыслахъ не было устроить въ Одессѣ винокуренный заводъ, теперь ихъ, какъ слышно, пять, и южно-русскій спиртъ идетъ въ чужіе края. Мы не будемъ говорить о томъ что въ Одес-сѣ и въ некоторыхъ южнѣйшихъ городахъ открылись механи-ческіе и чугунно-литейные заводы, среди коихъ заводъ Беллино-Фендерихъ приобрѣлъ уже извѣстность своими из-дѣліями (въ томъ числѣ разныхъ видовъ паровыми машина-ми, молотилками, мельничными поставами и т. п.) и число рабочихъ на немъ по временамъ доходить безъ малаго до тысячи, притомъ почти исключительно русскихъ. Изъ од-нихъ этихъ поверхностныхъ указаній можно и безъ осно-ванія заключить что развитіе заводско-фабричной промыш-ленности на югѣ Россіи не можетъ быть задерживаемо срав-нительною рѣдкостью тамошняго населенія, и мы снова по-вторимъ что сгущеніе здѣсь населенія только вопросъ вре-мени. Жизнь въ болѣе южныхъ широтахъ обходится де-шевле, а болѣе продолжительное освѣщеніе солнцемъ и его теплота открываетъ широкій просторъ труду; эти два усло-вія сами собой вызываютъ приливъ населенія въ эти ши-роты, что мы и видимъ на нашемъ Югѣ. Возрастало ли въ какой-нибудь изъ сѣверныхъ нашихъ областей такъ бы-стро населеніе какъ въ нашихъ и безлѣсныхъ и мало-водныхъ степяхъ? Съ выходомъ Татаръ въ Турцію по-слѣ Крымской войны такъ и думали, такъ и писали (да такъ отчасти и распоряжались) что Крымъ де залуствуетъ на неопредѣленное число лѣтъ. Но вышло совсѣмъ иное: въ какія-нибудь 15—20 лѣтъ раскинулось по степямъ Кры-ма множество прекрасныхъ деревень нѣмецкихъ, рус-скихъ, болгарскихъ, и дѣятельность на дѣвственныхъ по-ляхъ закипѣла. До Крымской войны Феодосійскій портъ

отпускалъ много 10—15 тысячъ четвертей пшеницы въ годъ, а въ послѣднія десять лѣтъ отпускъ его доходить до 100.000 и болѣе. Какъ ни малозначителенъ этотъ примѣръ, но мы убѣждены что и его достаточно для подтвержденія нашей мысли: ступенне населенія на южной нашей окраинѣ вопросъ времени. Но на югѣ Россіи и особенно въ восточной его половинѣ открываются такія благоприятныя условія для заводско-фабричной промышленности, противъ которыхъ едва ли можно устоять. Условія эти: богатство минеральнаго топлива и желѣзныхъ рудъ. Топливо для заводовъ и фабрикъ, это сила, а желѣзо — рычагъ безъ которыхъ они обойтись не могутъ. Въ почтенномъ трудѣ Я. И. Вейнберга (*Лѣсъ и его значеніе въ природѣ*) мы находимъ слѣдующія, въ извѣстномъ отношеніи печальныя цифры, именно, будто бы одно наше хлопчатобумажное производство и притомъ въ однѣхъ нашихъ центральныхъ губерніяхъ требуетъ для себя въ годъ 200 квадратныхъ верстѣ лѣсу, который конечно, по нашему обычаю, рубится безъ научныхъ основаній, то-есть большею частію истребляется. Но вѣдь близко время когда этотъ источникъ топлива истощится, и наши фабриканты принуждены будутъ перейти на минеральное топливо (каменный уголь, торфъ, лигнитъ и т. п.), какъ уже и начали, хотя и туго, переходить. Мы вѣримъ что когда-нибудь послѣдуетъ же покровительственный тарифъ на иностранный уголь, благодаря чему свои угольныя богатства будутъ сильнѣе разрабатываться и свой уголь удешивится; знаемъ и то что въ среднихъ нашихъ губерніяхъ открыты мѣсторожденія каменнаго угля и лигнитъ, хотя и не высокіхъ достоинствъ; но естественно чтобы наша заводско-фабричная промышленность не лезаготѣла къ югу, къ центрамъ самыхъ богатыхъ запасовъ минеральнаго топлива и желѣзныхъ рудъ, и притомъ самаго высокаго качества. Еслибы даже и понизилась цѣна на минеральное топливо въ нашихъ современныхъ центрахъ фабрично-заводской промышленности, то все-таки у нея не будетъ того что есть на Югѣ: болѣе продолжительнаго солнечнаго освѣщенія и теплоты, которыя, повторимъ, значительно удешевляютъ жизнь и увеличиваютъ сумму производительнаго труда. Конечно, намъ могутъ указать на вѣчно-сумрачную Англию; но климатъ ея мягче чѣмъ даже климатъ южной нашей окраины. Это вопервыхъ; вовторыхъ, если въ

Англія развилась въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ заводско-фабричная промышленность, то этому конечно много способствовала близость мѣсторожденій горячаго магнезіала и желѣзныхъ рудъ. Но вотъ вопросъ: еслибъ Англія владела такимъ краемъ какъ южная наша окраина, то есть со всѣми условіями благопріятствующими заводско-фабричному труду, не перекрела ли бы она своихъ заводовъ и фабрикъ въ этотъ край? Если она и днемъ зачастую освѣщаетъ свою жизнь и труды газомъ; то конечно охотно бы перекрела ихъ туда гдѣ такъ продолжительно, свѣтло и тепло свѣтитъ солнышко.

Въ Севастополѣ уже есть паровая мельница довольно почтенныхъ размѣровъ, кажется, поставовъ въ двадцать или около того. Она принадлежитъ извѣстной торговой фирмѣ г. Родоконяки. Много этого имени достаточно чтобы судить о дѣятельности этой мельницы. Для какого угодно промышленнаго производства нужны опытность и капиталъ. Почтенная фирма обоими богата. Мука съ этой мельницы, кромѣ мѣстнаго потребленія, идетъ на Кавказъ, за границу, даже въ Одессу, несмотря на множество тамошнихъ мельницъ. Чѣмъ объяснить это послѣднее явленіе? Нельзя сказать чтобъ эта мельница отащалась такими совершенствами какихъ не имѣютъ одесскія. Намъ кажется, дѣло объясняется проще: въ этомъ углу южной Россіи всегда можно купить зерно дешевле чѣмъ въ западномъ, то-есть въ районѣ Одессы, и расходъ на доставку муки изъ Севастополя до Одессы съ избыткомъ покрывается болѣе низкими цѣнами на зерно. Мы очень хорошо помнимъ какъ въ то самое время когда въ Одессѣ стояли цѣны за четверть пшеницы 12—14 р., въ Феодосіи онѣ держались 12, 10 и даже 8 р. Здѣсь очевидно главная причина въ слабой конкуренціи покупателей. Вообще надобно замѣтить что мука изъ крымскаго зерна цѣнится выше муки изъ зерна другихъ мѣстностей южной Россіи. Нѣкоторыя крымскія водяныя мельницы, напримѣръ по рѣкѣ Карасовкѣ, также часть своей муки сбываютъ въ Одессу, и тамошніе лекаря очень дорожатъ ею. Крымскія земли еще не истощены, и зерно родится на нихъ крупное и богатое бѣлковинными веществами. Намъ случилось однажды привезти нѣскольکو фунтовъ пшеницы изъ Феодосійскаго уѣзда въ Одессу, и многие изъ землевладѣльцевъ Херсонской губерніи признали эту лишницу гораздо выше мѣстной, и по крупности зерна, и по

цвѣту, а по чистотѣ. Ото всей души можно пожелать чтобы прамѣръ г. Родоклаки нашель возможно болѣе подражателей. Пора намъ перестать торговать только сырьемъ, съ которымъ въ виду наставшей грозной конкурренціи мы всегда будемъ занимать послѣднія мѣста на европейскихъ рынкахъ. Намъ едва ли въ этомъ случаѣ помогутъ и элеваторы; а если и помогутъ, то не американскіе, которые легли бы на всю нашу хлѣбную отпускную торговлю самымъ тяжелымъ гнетомъ. У нашихъ благодѣтелей разчетъ былъ вѣрный: для своихъ земляковъ открыть самую проторную дорогу на европейскіе рынки, что конечно и случилось бы при тѣхъ накладныхъ расходахъ какихъ требовали элеваторы; а для строителей элеваторовъ могли ли быть болѣе теплыя мѣста чѣмъ при элеваторахъ, при захватѣ всего русскаго зерна въ свои руки?

Въ Севастополѣ возникъ одинъ небольшихъ размѣровъ мыловаренный заводъ. Заводы подобнаго рода едва ли въ этой мѣстности имѣютъ хорошую будущность. Есть кирпичный; но и этимъ заводамъ не предстоить широкой будущности.

Впрочемъ, если въ окрестностяхъ Севастополя будетъ найдена (едва ли) такая глина кака встречается въ Феодосійскомъ уѣздѣ (напримѣръ близъ Сиваша, въ имѣніи Томакъ), то выдѣланные изъ нея кирпичъ и черепица по своимъ высокимъ достоинствамъ нашли бы для себя сбытъ въ Одессѣ (гдѣ нѣтъ порядочной глины) и въ другихъ приморскихъ городахъ. Достоинства эти: необыкновенная плотность, устойчивость противъ огня, мороза и сырости; добрымъ кирпичемъ даже выкладываютъ колодцы, и онъ въ водѣ получаетъ еще большую плотность. Къ этому слѣдуетъ прибавить бѣловатый цвѣтъ кирпича и черепицы, что въ извѣстномъ отношеніи также не лишено цѣнности. Но кирпичъ какъ строительный матеріалъ въ Севастополѣ никогда не войдетъ въ употребленіе. Нѣкоторыя изъ тамошнихъ горъ богаты превосходнымъ известковымъ камнемъ, толщи коего нестоимы. Изъ Инкерманскихъ каменоломень, во времена римскаго господства, этотъ строительный матеріалъ отправлялся въ Грецію и чуть ли не въ самый Римъ. Впрочемъ, не всѣ виды этого известняка имѣютъ одинаковыя качества; болѣе цѣнится плотный, мелкозернистый, не только не выветривающійся на воздухѣ, но твердѣющій на немъ. Севастопо-

гольскій известнякъ стоитъ неизмѣримо выше того раковинстаго известняка изъ коего выстроилась Одесса, и который по всей справедливости можно назвать „продуктивным“; почему для нѣкоторыхъ подблукъ, напримѣръ для облицовки всего или извѣстной части зданія, везуть камень сюда изъ Севастополя. Нѣкогда горный инженеръ Гурьевъ (теперь покойный) въ присутствіи специальной комиссіи изъ членовъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи и нѣкоторыхъ архитекторовъ производилъ распилку одесскихъ известковыхъ камней посредствомъ круглой пилы. Работа шла необыкновенно быстро, по крайней мѣрѣ въ пять разъ быстрее чѣмъ обыкновенная ручная, пилой или топоромъ. Онъ же, посредствомъ самаго несложнаго механизма, выливалъ изъ этого камня карнизы, что такъ не скоро дѣлается топоромъ. Вся эта работа производилась съ помощью ручнаго маховаго колеса. Не понятно, какъ этотъ, можно сказать, блестящій опытъ остался безслѣднымъ. Не воспользуется ли имъ возрождающійся Севастополь?.. Я сообщалъ о немъ нѣкоторымъ тамошнимъ техникамъ, и они удивлялись, какъ подобныя простыя вещи никому кромѣ Гурьева не приходили въ голову. Для нѣкоторыхъ построекъ, именно тамъ гдѣ требуется прочность и предотвращеніе сырости, употребляютъ въ Севастополѣ такъ-называемую гидравлическую известь изъ Феодосіи, съ завода горнаго инженера Портнова. Заводъ этотъ существуетъ около двадцати лѣтъ, и многочисленные опыты доказали что известь его имѣетъ неоспоримыя достоинства: она дѣйствительно спасаетъ зданія отъ сырости; имѣетъ большую силу сцѣпленія или связки и требуетъ большей массы песку, что при равныхъ условіяхъ и уравниваетъ ея относительно высшія цѣны съ цѣнами обыкновенной извести.

Въ Севастополѣ уже успѣлъ открыться кожевенный заводъ, и притомъ довольно изрядныхъ размѣровъ; ожидается и другой, несравненно большихъ размѣровъ, товарищества съ капиталомъ въ 300 тыс. руб.; во главѣ товарищества стоитъ фирма Родоканаки, которая, смотря по ходу дѣла, можетъ этотъ капиталъ не только удвоить, но и удесятиривать. Такъ она сильна по денежной части. Признаемъ въ своемъ злорадствѣ, мы сердечно желали бы чтобы крымскіе кожевенные заводы зачахли какъ зелень безъ небесной росы и дождей, а прамѣе, чтобы было запрещено открывать ихъ.

Они внесутъ послѣднее опустошеніе въ нашъ и безъ того опустошенныя и безплодно опустошаемые крымскіе лѣса, въ которыхъ дубъ есть одна изъ господствующихъ и приплодобившихся къ тамошнему климату древесныхъ породъ. Въ сбереженіи этихъ лѣсовъ властно только правитель-ство. У торговли или заводско-фабричной промышленности одна цѣль: заработать какъ можно больше отъ своего предприятия; въ извѣстномъ отношеніи для нихъ нѣтъ идеи общественнаго блага, нѣтъ отчизны, нѣтъ отдаленнаго потомства. Англичане безъ зазрѣнія совѣсти продаютъ опиумъ, эту отраву для человѣческаго рода, и даже вынуждаютъ свое правительство вести войну за свободный торгъ этимъ зельемъ. Имъ ни почемъ продавать оружіе и другія принадлежности войны даже врагамъ своего отечества, даже въ то время когда льется родная кровь своекорыстнаго Альбіона. Отъ таковаго жестокосердія да сохранитъ Господь русскихъ людей, хотя, увы! эта нравственная зараза стала распространяться и среди ихъ, особливо тамъ гдѣ такъ усердно занимаются бумажнымъ дѣломъ и менѣе всего думаютъ о благѣ русской земли. Дѣйствительно, еслибъ эта зараза не проникла къ намъ, могъ ли бы держаться торговый тарифъ прямо дѣйствующій въ ущербъ русской промышленности? Можно ли было бы, явно покровительствуя иностраннымъ заводамъ и фабрикамъ, направлять дѣла такъ чтобы собственные заводы и фабрики еле влачили свое существованіе или замирали при самомъ возникновеніи? Торговая да и всякая другая промышленность есть въ полномъ смыслѣ эгоистъ; но этотъ эгоистъ долженъ подчиняться той силѣ коей влияние должно отразиться благотворнымъ образомъ и на самомъ отдаленномъ будущемъ. Сила эта—власть правящая извѣстнымъ народомъ, та власть для которой существуетъ лишь общее благо и которая простираетъ свои заботы на самое отдаленное потомство народа. Вотъ эта-то власть и можетъ и должна удерживать хищническую, своекорыстную руку которая внесла опустошеніе въ крымскіе лѣса и грозитъ окончательнымъ истребленіемъ ихъ. Къ сожалѣнію, эта власть была слишкомъ добра и снисходительна къ намъ; она уже черезчуръ вѣрила въ нашъ разумъ, въ наши силы, и Русская земля горько полатилась и не перестаетъ платиться за эту излишнюю снисходительность, за это довѣріе. Во всей Русской землѣ, по крайней мѣрѣ въ

среднихъ частяхъ ея, произведено страшное олуствоеніе лѣсовъ, особенно въ послѣднія двадцать лѣтъ лѣтъ. Это одно изъ величайшихъ бѣдствій для нея; но могло ли бы оно быть еслибы власть была менѣе снисходительна къ нашему грубому производству? Безспорно, въ нашихъ среднихъ мѣстностяхъ лѣса могутъ и вновь насадиться и возобновиться, какъ они насаждаются въ Германіи, могучимъ лѣсамъ которой первый страшный ударъ нѣкогда нанесъ римскій орелъ. Но не таковы условия Крыма. Португальцы открывъ островъ Мадеру нашли его покрытымъ сплошными дремучими лѣсами, но взяли да положили ихъ; исторія свидѣтельствуетъ что лѣса эти горѣли семь лѣтъ. Кто не скажетъ что Португальцы были также глупы и дѣтски легкомысленны какъ и мы, уничтожающіе свои лѣса и огнемъ, и толоромъ, и скотомъ, но имъ можно и простить эту глупость: Мадера, какъ извѣстно, была открыта въ 1420 году. Теперь на этомъ, нѣкогда богатѣйшемъ островѣ, кое-гдѣ видѣются растительныя залаты состоящія изъ сахарнаго тростника и виноградины. О ничтожной величинѣ этихъ залатъ можно судить уже потому одному что со всего острова получается не болѣе 30.000 бочекъ вина, то - есть сколько по всей вѣроятности фабрикуется мадеры въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ. Сравнительно съ виномъ сахару на островѣ добывается, можно сказать, самая малость. Вотъ что получилось на мѣсто дремучихъ лѣсовъ которые могли бы составлять неизмѣримо высшую цѣнность и въ климатическомъ, и въ промышленномъ отношеніяхъ. Но дѣло сдѣлано, и сдѣланнаго не поправить. Насажденіе лѣса на этомъ каменистомъ островѣ было дѣломъ вѣковыхъ усилій природы, работавшей въ тиши, на свободѣ, безъ помѣхи, безъ людскихъ расчетовъ, своекорыстія и нужды, и человѣку приходится навсегда отказаться отъ возстановленія здѣсь прежней лѣсной растительности, то-есть Мадера навсегда обречена только на какія-нибудь ничтожныя залаты изъ сахарнаго тростника и виноградины или чего-нибудь въ этомъ родѣ.

Многое множество можно бы: привести мѣстностей нѣкогда лѣсныхъ, а теперь обреченныхъ на вѣчное безлѣсіе. Такія мѣстности есть уже и въ нашемъ отечествѣ; такую мѣстностью въ скоромъ времени сдѣлается и весь горный крайъ нашего богатнаго Крыма, гдѣ уже и теперь нѣ мало мѣсть въ которыхъ возобновленіе лѣса положительно

дѣло невозможное. И неужели наше бездомничество, наше ребяческое легкомысліе, нашъ узкій эгоизмъ, готовятъ этому лучшему краю въ цѣломъ Русскомъ царствѣ участь острова Мадеры, ужели въ послѣдствіи на немъ останутся только маленькія растительныя заплатки въ видѣ виноградниковъ, садовъ и парковъ, при какихъ-нибудь подошвахъ горъ или долинкамъ и низенькимъ холмамъ? Тяжело и подумать объ этомъ если даже принять въ соображеніе одно то что климатъ южнаго берега Крыма въ санитарномъ отношеніи стоитъ выше южной Франціи и Ниццы. Уже и теперь климатъ здѣсь видимо измѣняется; онъ сталъ гораздо суровѣе сравнительно съ тѣмъ временемъ когда этимъ краемъ владѣли Татары, которыхъ мы оказались несравненно легкомысленнѣе. Но мы не безъ основанія думаемъ что совершенное облаженіе крымскаго каменистаго горнаго края отъ лѣсной растительности не останется въ климатическомъ отношеніи безъ худаго вліянія и на значительную часть прилегающихъ къ Крыму степныхъ равнинъ. Развѣ можно сколько-нибудь сомнѣваться что съ уничтоженіемъ лѣсовъ по уваламъ солупетствующимъ Уралу, Волгѣ, Дону и другимъ нашимъ южнымъ и юго-восточнымъ рѣкамъ, открылся болѣе удобный ходъ для сухихъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ Азіи въ глубину Европейской Россіи и особенно въ южную половину ея? Развѣ подлежить какому-нибудь спору что лѣсная полоса или поясъ окаймляющій Европейскую и Азіатскую Россію на сѣверѣ удерживаетъ токъ полярнаго холода на эти материки, и что съ уничтоженіемъ этого пояса климатъ Россіи еще болѣе измѣнится къ худшему, сдѣлается суровѣе, съ температурою подверженною большимъ колебаніямъ? Это уже и теперь воочию видно на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на сѣверной границѣ коихъ истреблены или значительно прорѣдѣли лѣсныя дебри. Не забудемъ что знойныя вѣтры съ Сахары, пройдя даже чрезъ Средиземное море, губельно отражаются на всей южнѣйшей половинѣ Западной Европы; они чувствуются даже въ Венгріи. На этотъ разъ мы расходимся со взглядомъ покойнаго академика Бера; но вѣдь этотъ ученый мужъ даже отвергалъ вліяніе лѣсовъ на увеличеніе атмосферныхъ осадковъ, сравнивая въ этомъ отношеніи лѣсъ съ дамскими зонтиками. Подлинно и на мурода бываетъ простота! Но мы уже не однажды высказывали мысль что сѣверная наша лѣсная область навсегда должна бы

остаться таковымъ, и нѣтъ разумнаго основанія превращать се въ пахотныя угодья, для которыхъ у насъ множество другихъ удобнѣйшихъ и по составу земли, и по климату, мѣстности, а лишь бы были употреблены здѣсь разумный сельско-хозяйственный трудъ. Во истину мы не взвѣшиваемъ нашихъ общенародныхъ, общегосударственныхъ нуждъ и даемъ слѣшкомъ большой просторъ узкому эгоизму и злобѣ дня. Бессарабская область, можно сказать, на нашихъ глазахъ лишилась своихъ нѣкогда могучихъ и почти сплошныхъ лѣсовъ, и вѣроятно въ непродолжительномъ времени всецѣло будетъ походить на беззащитныя, палыя сухими вѣтрами Херсонскія степи. Легко сказать: Подольская губернія, этотъ перлъ въ Русской Царской коронѣ (такъ она названа въ Высочайшемъ манифестѣ послѣ Крымской войны), въ послѣднія двадцать пять лѣтъ наполовину лишилась своихъ прекрасныхъ лѣсовъ, какъ это было засвидѣтельствовано на Одесскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ. Дошла очередь и до тебя, Кавказъ, отъ снѣговыхъ вершинъ до пропастей и разсѣлинъ земли облитый драгоценною русскою кровью; уже и въ твои дѣтственные лѣса русское бездомничество и невѣжество вносить то страшное опустошеніе которымъ русскіе люди повсюду ознаменовали свою хозяйственную мудрость. Съ уничтоженіемъ лѣсовъ на Кавказѣ сколько придется вычеркнуть изъ списка такихъ богатыхъ мѣстностей которыя при умѣ-разумѣ могли бы течь млекою и медомъ. Батюшка Петръ Великій! гдѣ твоя державная увѣсистая дубинка? Походять бы ей по нашимъ спанамъ; глядишь, поумнѣе была бы мы и не мотали бы государстvenaго добра какъ блудные сыны отечества. Вѣдь ты, жалѣе народное добро, въ штопаныхъ чулкахъ ходилъ...

Итакъ, да не смидеть дождь, ни же роса на коженныя заводы Крыма! Вонъ ихъ изъ этого богатнаго края, гдѣ и безъ нихъ едва ли осталась бы тѣхъ лѣсовъ которые мы задѣтъ тому съ небольшимъ 100 лѣтъ унаслѣдовали отъ Татаръ. Конечно, изъ правильно устроенныхъ лѣсовъ къ чему бы и не пользоваться корьемъ; но дѣло въ томъ что лѣсами у насъ завѣдуютъ далеко не ангелы...

Говоря о возникновеніи заводской промышленности въ нашемъ славномъ своимъ страданіями и во время Крымской войны, и во дни мира, Севастополь, грѣшно было бы не упомянуть о заводѣ Общества Пароходства и Торговли, по праву

именуемъ себя даже адмиралтействомъ его. Уже однимъ тѣмъ дорогъ этотъ заводъ или адмиралтейство что на него можно смотрѣть какъ на сѣмя жизни въ замершемъ послѣ войны Севастополѣ; благодаря этому заводу, сталъ приливать сюда мастеровой и рабочій людъ и стали застраиваться нѣкоторые уголка, еще недавно осылаемые разрушительными снарядами такъ-называемыхъ союзниковъ. Если только съ этой стороны смотрѣть на адмиралтейство Общества Пароходства и Торговли, то нельзя безъ глубокой благодарности не вспомнить директора-учредителя Общества, Н. А. Новосельскаго, по ходатайству коего было уступлено занимаемое адмиралтействомъ мѣсто и при которомъ было положено основаніе Мортону валингу; но сугубой благодарности отъ Севастопольцевъ и всѣхъ русскихъ людей чаявшихъ возрожденія многострадальнаго Севастополя заслуживаетъ бывшій директоръ Общества Пароходства и Торговли, Н. М. Чахачевъ. Онъ положилъ прочное основаніе адмиралтейству въ 1862 году и довелъ его до того что оно имѣетъ всѣ права называться адмиралтействомъ; ибо на немъ, кромѣ парусныхъ судовъ, построено уже 35 паровыхъ, изъ коихъ нѣкоторыя были въ 300 индикаторскихъ силъ; а въ настоящее время силы адмиралтейства до того окрѣпли что на немъ строятся для парохода *Корниловъ* машина въ 900 силъ, и безъ труда могутъ строиться машины еще сильнѣе. Во время послѣдней войны, въ этомъ адмиралтействѣ выстроены три миноноски, вооружались суда, изготовлялись снаряды для минныхъ загражденій и т. д., и все сдѣланное здѣсь отличалось желаемымъ совершенствомъ. Заслуга этого адмиралтейства поистинѣ почтенная; безъ этой услуги нашимъ черноморскимъ побережьямъ болѣе грозенъ былъ бы турецкій флотъ, хотя и разслабленный подобно всей Оттоманской имперіи. Въ настоящее время Севастопольское адмиралтейство еще болѣе имѣетъ правъ носить такое почтенное имя: какъ извѣстно, оно взялось соорудить стальные корпуса для двухъ броненосцевъ, *Синопа* и *Чесмы*, этихъ могучихъ первенцевъ возраждающагося Черноморскаго флота. Эта работа, гдѣ, напримѣръ, стальные листы рѣжутъ ловидимому съ такою же легкостью какъ бумагу, и гдѣ продавливаются на нихъ дыры какъ въ рѣвѣ, и мѣдя, профана въ подобныя дѣла, не могла не увлечь, и, что отраднѣе всего, всѣмъ этимъ дѣломъ завѣдуетъ инженеръ, въ полномъ

полномъ цвѣтѣ молодыхъ свѣжихъ силъ, но уже извѣстный своими работами (по плану его, напримѣръ, построены одинъ изъ лучшихъ пароходовъ Общества Пароходства и Торговли *Пушкина*), К. Н. Арцеуловъ, котораго чарующую любезность и замѣчательный даръ все объяснить вы сами, благосклонный мой читатель, можете испытать на себѣ если посѣтите это адмиралтейство. А оно, право, стоитъ того. Вы тамъ увидите съ какою легкостью шествуютъ на сушу громадные пароходы для починокъ, обшивки и окраски; тамъ насмотритесь вы какіе страшные удары наноситъ паровой молотъ толстѣйшимъ кускамъ стали и желѣза, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличается такою изящною чувствительностію что подожженную подъ него лучинку онъ можетъ только слегка сплюснуть. Можетъ-быть при васъ будутъ ковать какой-нибудь валъ или штевень въ 3.000 пудовъ вѣсу или точить его. Конечно, всѣ эти диковинныя дѣла,—диковинныя для насъ русскихъ людей, благодаря нашей тарифной мудрости и любезности расточаемой иностраннымъ заводамъ,—можно видѣть только съ разрѣшенія управляющаго адмиралтействомъ каковымъ въ настоящее время состоитъ Л. Г. Конкевичъ. Позволеніе это необходимо для посѣтителя, ибо на адмиралтействѣ введена самая строгая дисциплина, и лишняго человѣка туда не пустять. Для вящаго обозрѣнія адмиралтейства лучше всего заластись рекомендаціей, при которой вполнѣ можно надѣяться на самый любезный, столь свойственный нашимъ морякамъ, приемъ почтеннаго Л. Г. Конкевича, хотя ему кажется и дохнуть некогда: въ противномъ случаѣ, то-есть безъ рекомендаціи туристъ рискуетъ не быть допущеннымъ; да такъ и должно быть: мало ли праздно и злумышленно шатающихся! Немалое число рабочихъ на этомъ адмиралтействѣ живетъ на Южной Сторонѣ, и для перевозки ихъ въ обѣденную пору или на ночлегъ служатъ что-то въ родѣ пароваго катера или баржи. Я умолчалъ бы объ этомъ обстоятельствѣ: но по нижеслѣдующей причинѣ считаю молчаніе грѣхомъ. Я видѣлъ нагруженную баржу этими рабочими, могъ вемотрѣться въ ихъ лица и вынесъ самое отрадное ощущеніе. Это не забытый народъ, изнуренный, испитой: онъ полонъ жизни и силы; взгляды его всегда слышатся шутки и звонкій смѣхъ, пьянцы между ними нѣтъ (ихъ не терпитъ адмиралтейство). Признаюсь, было чему порадоваться; и я невольно перенесся въ Илсвичъ, на

знаменитый завод Рансома, располагающий громадными денежными средствами. Вот обѣденная пора, рабочіе выпущены изъ завода, и входятъ въ него залпть широкими рѣшетчатыми воротами. Кончился обѣдъ, и рабочіе собираются предъ этою рѣшеткой; пробилъ извѣстный часъ или, лучше сказать, извѣстная минута часа, рабочихъ считаютъ, перекликають и впускають по одному какъ овецъ въ загородку: опоздавшій менѣе чѣмъ на 1/2 часа не допускается къ работѣ, и ему засчитывается поддня прогулу; если это несчастіе повторяется нѣсколько разъ, рабочій навсегда удаляется съ завода и его нигдѣ не примуть. Такой обычай заведенъ повсюду въ свободной и человеколюбивой Великобритани. Но это не то что я хотѣлъ сказать. Видя за рѣшеткой массу рабочихъ, нельзя было не убѣдиться что Англичане умѣють выжимать соки изъ рабочей разумной силы, на которую они смотрять положительно какъ на механическую силу; можетъ-быть даже они о сохраненіи послѣдней имѣють большее полененіе чѣмъ о первой. да оно и понятно: для Англичанина деньги все, устройство механической силы требуетъ денегъ, а разумныя сами собою вырастають. Надобно было видѣть рабочихъ стоявшихъ за рѣшеткой и дожидавшихся впуска на тяжелую работу гдѣ каждая минута разчитана: все это народъ, какъ говорится, испитой, со ввалившимися щеками и множествомъ морщинъ, съ какимъ-то забитымъ, тусклымъ, безсмысленнымъ блуждающимъ взоромъ; въ лицѣ ни кровинки, это скорѣе мумія чѣмъ живыя существа *. Признаюсь, сердце невольно сжималось глядя на эту печальнѣйшую картину. Вотъ они пресловутые англійскіе интересы! Вотъ почему горлаго Альбиона не терпятъ тамъ гдѣ онъ является поработителемъ народа или давить своихъ ближнихъ своими капиталами. Гордятся мы, Русскіе, должны, видя какъ дикія разбойническія племена смиряются предъ добротой Русскаго, и сами просятъ подъ багостную руку Бѣлаго Царя. Какія козны ни чинилъ бы всюду преслѣдующій свои личныя интересы горлый Бриттъ, но для русскаго добраго сердца отворена вся глубина Азіи. Недалеко то время когда Афганцы, недавно

* Желаніе познакомиться съ бытомъ рабочихъ въ Англии могутъ обратиться къ труду гжи Водозовой: *Жизнь серотейскихъ народовъ*.

поднавшие на насъ свою неумѣлую руку, полюбить насъ какъ братьевъ. Любовь все побѣждаетъ.

Бѣда съ „вѣянємъ новаго времени“; нѣтъ-нѣтъ да и пахнетъ оно даже на тѣхъ кто, какъ говорится, всѣ зубы проѣлъ въ области стараго. По моему мнѣнью, смыслъ вѣяній новаго времени можно выразить слѣдующими короткими словами: отрицаніе всего высокаго, честнаго, добраго или жесткая холодность, безчувственность къ нимъ. Выѣда изъ адмиралтейства съ такими свѣтлыми мыслями и согрѣтымъ сердцемъ, казалось бы, можно на томъ и остановиться. Но что сдѣлаешь при вѣяніи новаго времени? Вотъ такъ и напрашиваются вопросы: А почему ты, почтенное Общество П. и Т., заказываешь для себя пароходы въ Англіи, а не строишь ихъ на своемъ адмиралтействѣ гдѣ для казны берешься строить цѣлые броненосцы? А за что-почто не жалѣешь русскаго золота, котораго и безъ того на Русской землѣ маловато? Или въ Русскомъ царствѣ недочетъ въ мастерахъ этого дѣла, да и когда они явятся если мы свои работы будемъ отдавать въ чужія земли? Или казны у тебя недостаетъ? А зачѣмъ же ты „недугуешь серебромъ“, собирая казну про какой-то черный день (семь милліоновъ рублей запаснаго капитала!) или щедро расточая ее своимъ лайщикамъ? Не тебѣ ли, пользуясь пособіемъ государевой казны, сдѣлать починъ кораблестроенія и созданія флота торговыхъ судовъ на южной окраинѣ Россіи? И указъ ли тебѣ съверная Пальмира, которая также любить русскія дѣла передавать въ чужія земли,—тебѣ, имеющему себя русскимъ обществомъ? Да и почему ты, носящее такое великое родное имя... Но довольно. Я боюсь лишиться очаровательной любезности Д. Г. Конкевича и К. Н. Арцеулова при новомъ посѣщеніи Севастопольскаго адмиралтейства. Предваряю и васъ, мой спусходительный читатель, если вамъ придется осматривать то мѣсто въ нашемъ славномъ Севастополѣ гдѣ закладывается русское владычество надъ Портомъ Экспанскимъ, не поднимайте вышеприведенныхъ вопросовъ предъ лицомъ уломянутыхъ почтеннѣйшихъ трудолюбцевъ. Они здѣсь ни при чемъ, но служатъ Обществу которое умѣетъ считать „свои интересы“, вѣроятно заразившись у Англичанъ или у русскіхъ православныхъ кулачковъ.

Заводскою промышленностью не закончить мнѣ наброски о возраждающемъ Севастополѣ? Не наскучилъ ли я вамъ.

благоклонный читатель, моими разказами? Самъ сознаю что часто бросаюсь то въ ту, то въ другую, то въ третью стороны; но въ оправданіе меня да послужитъ латинская поговорка: *varietas delectat*, то-есть разнообразіе намъ нравится. Послѣ такой чистосердечной исповѣди позвольте, читатель, перенести васъ на нѣсколько мгновеній изъ Севастополя въ Теллицу, славный своими минеральными кулявьями и лѣтѣями.

Въ этомъ городѣ, замѣчу, содержимомъ въ изумительной для насъ Русскихъ чистотѣ, одинъ изъ храмовъ занимаетъ чуть ли не самую возвышенную точку; при немъ терраса, съ которой видъ на ближайшія и отдаленныя окрестности, даже отчасти на поле Кульмской битвы, по истинѣ можетъ назваться очаровательнымъ, какъ это и значитъ въ гдадѣ. Здѣсь вы почти во всякое время найдете охотниковъ картинъ природы, и жители Теллица каждому почитателю города совѣтуютъ полюбоваться окрестностями его съ помянутой террасы. Но вотъ одинъ изъ сосѣднихъ съ храмомъ домовладѣльцевъ, пользуясь всѣми правами на свою землю, выстроилъ, хотя и не большой, двухъэтажный домъ и закрылъ часть очаровательнаго вида съ террасы. Это возмутило гражданъ Теллица, и они на городскія деньги непремѣнно хотѣли купить вто мѣсто, а домъ срыть до основанія. Сдѣлано ли это, не знаю; я былъ въ то время когда означенный домъ только что былъ оконченъ. Эстетическое чувство—одинъ изъ драгоценнѣйшихъ даровъ которыми владѣетъ человѣкъ. Это чувство усиливаетъ трудъ человѣка; оно заставляетъ его выдѣляться изъ окружающаго его животнаго міра, служить подъемомъ для его нравственныхъ силъ.

Хвалилъ я въ первой половинѣ моихъ набросковъ благоразуміе Севастопольцевъ, но едва ли они осмотрительно поступили отдавъ мѣсто подъ постройку правленія желѣзной дороги близъ красы и святыни Севастополя, храма надъ адмиралами. Предполагаемое зданіе будетъ отдѣляться отъ храма только шириной улицы, и съ одной стороны закроетъ стѣснить и какъ бы придавить его, какъ придавленъ громаднымъ домомъ Палудова кафедральный соборъ въ Одессѣ, какъ отнимаютъ много красоты и величавости у величаваго Херсонесскаго храма Св. Владиміра настоятельскія палаты, построенныя въ такомъ близкомъ съ нимъ сосѣдствѣ. Уже множество свезено матеріала для зданія подъ означенное Прав-

земле, съ садомъ при немъ. Вѣроятно, скоро приступить и къ постройкѣ. Но нельзя ли садъ расположить по сосѣдству съ храмомъ, а съ постройками спуститься пониже и дать имъ протяженіе въ ширину, а не въ высоту? Жаль будетъ если сдѣлается иначе. Храмъ этотъ по истинѣ святыня; его со всѣхъ сторонъ видно изъ Севастополя и ближайшихъ окрестностей; онъ видимъ съ самыхъ дальнихъ точекъ открытаго моря, и конечно не одинъ христианинъ носимый по волнамъ морской пучины перекрестится взглянувъ на него.

Было бы непростительно не коснуться того что обуславливаетъ возрожденіе нашего славнаго и въ своихъ развалинахъ Севастополя, его бухты. Но я не буду описывать ее, и безъ меня столько разъ описанную и въ нѣкоторомъ отношеніи неописуемую. Такъ она величава, красива своимъ изумрудомъ, своими прихотливыми развѣтвленіями и изгибами. Не даромъ говорятъ что эта бухта единственная въ цѣломъ мірѣ. Воображаю какую радость забилось материнское сердце нашей мудрой Екатерины когда въ первый разъ съ высотъ Севастополя указала ей на эту изумрудную жемчужину великодушный князь Тавриды. Геніальный взоръ великой монархини сразу опредѣлилъ значеніе славной бухты для Русскаго царства, этой колыбели боеваго флота покрывшаго себя бессмертною славой. Но все это извѣстно. Извѣстно можетъ-быть и то что изъ прежнихъ твердынь сооруженныхъ при незабвенномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, уцѣлѣла только одна, съ лѣвой стороны при входѣ въ бухту. Вѣроятно, съ возрожденіемъ флота что-нибудь сдѣлаютъ для прегражденія входа въ бухту, а можетъ-быть сдѣлаютъ что-нибудь и съ сухаго пути. Припоминается мнѣ по этому поводу приспомятый іерархъ Русской церкви, знаменитый нашъ витія Иннокентій, коего благосклоннымъ вниманіемъ я имѣлъ честь пользоваться. Прихожу я къ нему послѣ несчастнаго для насъ дѣла на Черной рѣчкѣ. О чемъ другомъ можно было говорить въ это время какъ не объ осадѣ Севастополя, и вотъ что, между прочимъ, я слышалъ отъ незабвеннаго для меня, какъ и для всѣхъ русскихъ людей, архипастыря: „Я совершалъ погребеніе адмирала Лазарева. Послѣ погребенія мнѣ показывали всѣ твердыни Севастополя.—Все это прекрасно, сказалъ я; но вы не отсюда должны ждать незваныхъ гостей, а съ Южной; для нихъ лазейка къ вамъ изъ Балаклавы. Конечно, доблестные

воины вѣроятно въ душѣ даже улыбались надъ моими словами, но оказалось что моя была правда“. Невольно удивляешься широтѣ взгляда этой поистинѣ геніальной личности и припоминаешь мнѣніе объ Иннокентіи покойнаго историка М. П. Погодина (*Взгнѣкъ на могилу Иннокентія*).

Извѣстно также что два бухты, столь удобное по своему грунту для стоянки судовъ, въ настоящее время совершенно очищено отъ потопленныхъ кораблей. Я скажу нѣсколько словъ относящихся до исторіи самой очистки; но напередъ поставлю нѣсколько вопросовъ. Какъ это у насъ многое, чуть ли не самое прибыльное достается въ руки иностранцевъ? Глуше ли мы ихъ? Подвижнѣ ли они насъ? Большими ли матеріальными средствами владѣютъ? Вопросы, признаюсь, мудреные. Одно, кажется, едва ли подлежитъ сомнѣнію: иностранцы умѣютъ расшаркиваться въ такихъ салонахъ, куда русскую бороду и не пустятъ. Едва ли и въ томъ позволительно сомнѣваться что иностранцы дружнѣ насъ: у нихъ одинъ другаго тащить и поддерживать. Да едва ли и въ томъ можно усумниться что имъ болѣе вѣдомы тайные пути и подходы, и здѣсь они не брезгаютъ какими бы то ни было средствами. Можно сюда хотя для счету присоединить и то что иностранцамъ у насъ жить вольготнѣе. Вотъ, на примѣръ, иностранецъ управляющій какою-нибудь конторой, фабрикой или заводомъ и получающій десять, двадцать тысячъ рублей въ годъ, но въ пользу мѣста своего обитанія не вносящій даже колѣйки: развѣ это не вольготность? Отъ однихъ добросовѣстныхъ Нѣмцевъ живущихъ здѣсь, въ Москвѣ, я не однажды слышалъ что такіа глупости могутъ вестись только въ Россіи. Конечно, не залопотать же иностранцы Русской богатой земли, поправимся когда-нибудь и мы; но все какъ-то неловко становится на русской душѣ когда идя по нѣкоторымъ улицамъ, даже первопрестольнаго русскаго города, изъ десяти магазиновъ видишь одинъ съ русскимъ именемъ продавца чая и сахара.

Очистку Севастопольской бухты, какъ извѣстно, мы отдали одному Американцу, отвергнувъ болѣе выгодныя предложенія русскихъ предпринимателей, въ томъ числѣ извѣстнѣйшаго механика-самоучки, одесскаго купца К. И. Поттлова, прославившагося подъемомъ судовъ и изобрѣтеніемъ приспособленій для этой цѣли, принятыхъ, если не ошибаемся, и нашимъ Морскимъ вѣдомствомъ. Но что же сдѣлали

Янки? Все цѣнное изъ бухты вынулъ, конечно, порядкомъ нажидая, да и простился съ развалинами Севастополя. Такъ были обстоятельно составлены условія съ нимъ! А съ другой стороны какъ вступать въ споръ съ гражданномъ великой республики? Вѣдь это не русская борода которую можно тащить куда угодно и которой не простятъ даже все прощающіе современные русскіе суды?

Не миковала русская бухта на все гораздыхъ русскіхъ рукъ; взялся очистить ее совершенно не приготовленный къ этому дѣлу русскій человекъ П. А. Телятниковъ (теперь покойный, бывший некогда головой въ Севастополѣ), и охуаки на руку не положилъ: бухта теперь совершенно чиста; она въ свое время была освидѣтельствована. Удивительная способность русскаго человека! Сколько смѣтливости у него! Я былъ знакомъ съ покойнымъ Телятниковымъ, который между прочимъ доставилъ и обдѣлалъ монолиты для одесскаго памятника * свѣтлѣйшему князю М. С. Воронцову, взявъ ихъ по содѣйствию съ Аюдагомъ, на Южномъ Берегу. Отъ него-то я слышалъ съ какими трудностями было соединено очищеніе бухты, и все это дѣлалось одними русскими людьми, изъ коихъ нѣкоторые съ роду не видывали моря, но превращались въ дивныхъ водолазовъ. Вѣдь подъ иной корабль, погрязшій въ илѣ и песокъ на 15—20 сажень глубины, приходилось прокопаться подо всю ширину его мощнаго кузова и протянуть цѣпи чтобы посредствомъ воздушныхъ лонтоновъ вытащить на свѣтъ Божій великана, съ честью и славой погруженнаго въ морскую пучину, или положить подъ него боченокъ пороха и разорвать на части. И все это дѣлалось по указанію русскаго человека, П. А. Телятникова, котораго можно было назвать не болѣе какъ человекомъ грамотнымъ, распорядившимся почти безграмотными людьми. Крѣпкая была голова у этого человека; жаль что недолго носили ее широкія русскія плечи...

Но что нажилъ отъ своего подвига этотъ подвижникъ, выдержавшій всю осаду роднаго ему Севастополя и съ обычнымъ ему смѣхомъ смотрѣвшій на падавшія бомбы и раскаленные ядра? Ничего, и семейство его едва ли можетъ сказать что пиветь обезлеченное существованіе. А Янки вѣроятно и до селѣ со смѣхомъ надъ русскою простотою сосеть свою лапу.

* Я былъ секретаремъ въ комитетѣ по постройкѣ этого памятника.

обмакнутую въ русской медь, съ такою щедростію нѣкогда ему предложенный. Что дѣлать! гдѣ-де наше не проладало? Да пора бы этимъ пролажамъ и конецъ положить.

Этимъ я и хотѣлъ заключить мои наброски о возраждающемся Севастополѣ; но недавно проѣзжавшій чрезъ Москву и уже успѣвшій переселиться отъ насъ въ иной міръ, нашъ даровитый художникъ-архитекторъ, А. А. Авдѣевъ повѣдалъ мнѣ вѣсть отъ коей будто бы весь Севастополь пришелъ въ невыразимое уныніе и которая вдругъ де понизила въ немъ цѣнность не только лустопорожнихъ мѣстъ или развалинъ, но и построенныхъ домовъ и торговыхъ помѣщеній. Покойный Авдѣевъ самъ былъ домовладѣльцемъ и въ свою недвижимость въ Севастополѣ положилъ не маленькія деньги; слѣдовательно онъ не могъ не выикнуть въ разнесшійся надъ многострадальнымъ городомъ слухъ. Если же слухъ этотъ справедливъ, то дѣйствительно есть отъ чего придти въ уныніе Севастопольцамъ такъ радовавшимся возрожденію многострадальнаго, для многихъ роднаго города и такъ много пожертвовавшимъ на это возрожденіе: иные затратили на свои постройки большія деньги, а другіе отдали на нихъ послѣдніе гроши, въ надеждѣ получать извѣстный доходъ или прибыль. Позволяю себѣ кое-что сказать по поводу этой вѣсти; но прежде выскажу слѣдующія мысли револьно толляціяся въ моей головѣ.

Какъ это такъ у насъ выходитъ что мы не можемъ стовориться когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь общемъ благѣ или добрѣ, хотя бы оно не подлежало и малѣйшему сомнѣнію? Какъ это мы такъ устроились что у насъ что ни вѣдомство, что ни учрежденіе, то и особое царство которое только и думаетъ о себѣ и старается все прибрать единолично къ своимъ рукамъ? Какъ это такъ случилось что нѣкоторыя изъ нашихъ учреждений желаютъ жить, да и „живутъ безъ власти, безъ законовъ“, во всей разнузданности самаго грубаго произвола? На все это можно привести не мало самихъ неопровержимыхъ доказательствъ. Развѣ тамъ признаются власти и законы гдѣ говорятъ: убилъ, но не виновенъ? Развѣ существуютъ они тамъ гдѣ ради личныхъ выгодъ безнаказанно вмѣсто колѣвекъ могутъ обложить насъ рублями, превышающими всѣ ваши платажныя силы? Развѣ признается тамъ власть гдѣ представитель верховной власти заявляетъ что такое-то зданіе грозитъ различными бѣдствіями

даже человеческимъ жизнямъ и что нужно его пере-
строить въ самомъ скоромъ времени, но затѣмъ проходитъ
чуть не двадцать лѣтъ, а дѣло не подвигается ни на волосъ?

Вотъ возстаетъ изъ своихъ двадцатипятилѣтнихъ разва-
линъ многострадаальный городъ; вотъ наконецъ снимается
лозоръ съ Русскаго могучаго царства, такъ долго не нахо-
дившаго средствъ смыть его. Еслибы мы всё какъ одинъ
человѣкъ были проникнуты или одушевлены однимъ чув-
ствомъ, то намъ оставалось бы только радоваться этому
возрожденію знаменитаго города. Но не такъ выходитъ на
дѣлѣ; у насъ, за отсутствіемъ крѣпкихъ связей между раз-
личными учреждениями, достаточно чтобы поднялось нѣ-
сколько голосовъ одного лагеря противъ другаго и завя-
жется борьба, нерѣдко упорная, продолжительная. Вспо-
мните Сибирскую дорогу, коей направление было утверждено
Высочайшею волею, которая затѣмъ не начиналась въ теченіе
болѣе десяти лѣтъ, а наконецъ рѣшено вести этотъ связу-
ющій двѣ части свѣта путь проселками, даже не обследо-
ванными. Подобная исторія, какъ слышно, сотворится и съ
многострадаальнымъ Севастополемъ: будто бы лодъ торго-
вый портъ его отдадутъ Сѣверную бухту, къ которой и про-
ведутъ вѣтвь желѣзной дороги. Если это сбудется, то долго
еще оставшіяся развалины будутъ лежать развалинами, а
что на мѣстѣ развалинъ возникло надолго будетъ лишено
той жизненности которая такъ отрадно стала выступать на
свѣтъ Божій. Но почему такого рѣшенія не постановили ранѣ-
ше? Почему допущено это искушеніе, ради котораго жители
города принесли столько жертвъ? Кто заплатитъ за эти
жертвы? Окровавленные развалины Севастополя были сво-
его рода фондами, которые то поднимались, то опускались;
но то что цвѣтъ мѣсто на биржахъ, въ области спекуля-
ціи и даже разнаго рода низостей и подлостей, лжи и обма-
на, могло ли быть допускаемо по отношенію къ городу зна-
меновавшему великими жертвами, связаннаго съ честію и мо-
гуществомъ дорогаго всѣмъ намъ отечества? Мы помнимъ
эту биржевую игру въ развалины многострадаальнаго города,
и особенно одно время, когда даже изъ Одессы были по-
сылаемы въ него агенты для покупки мѣста. Подобная
игра, какъ извѣстно, велась нѣкогда и надъ Θεодосіей, гдѣ
за мѣста чуть не дрались, гдѣ цѣнность нѣкоторыхъ пусты-
рей возвысилась до 50—70 тысячъ рублей, а потомъ владѣльцы

ихъ ряды были получить какія-нибудь 2—3 тысячи рублей. Баржевая игра въ севастопольскія развалины и сеодосійскіе пустыри воочью подтверждаетъ что намъ какъ-то трудно говорить когда дѣло касается какого-нибудь общественнаго или государственнаго добра, что мы не умѣемъ крѣпко держаться разъ состоявшихся рѣшеній. Случаются подобныя исторіи и въ другихъ государствахъ, но едва ли найдется другой примѣръ чтобы въ одномъ царствѣ расплодилось столько отдѣльныхъ царствъ другъ подъ друга подкапывающихся.

Вопросъ: быть ли Севастополю военнымъ городомъ или торговымъ—вопросъ давній. Это своего рода толченіе воды производилось даже въ тѣ поры когда, въ силу пресловутаго Парижскаго трактата, мы не могли положить и камня въ основаніе тому боевому флоту какой подобаетъ великой державѣ на ея южныхъ моряхъ. Удивительно какъ могли затрудняться рѣшеніемъ подобнаго вопроса, главная голова котораго состояла въ томъ: чѣмъ торговать будетъ Севастополь? Чтобы сдѣлать его именно торговымъ портомъ находили средство: наградить благодарностями порто-франко, которое якобы и изъ Одессы сдѣлало царіцу юга. Подумаешь какое непростительное заблужденіе! Одессу создала смиренная выя вола, пшеница, которую обливааъ своимъ горячимъ лѣтомъ смиреннѣйшій лахарь. Что Севастополь могъ сдѣлаться торговымъ портомъ и чрезъ то возродиться, притомъ безо всякаго порто-франко (котораго, злѣйшимъ, во время оно сильно не желали Одесситы: оно де сдѣлаетъ отвлеченіе въ ущербъ Одессѣ), это показываетъ его настоящее, выражающееся и въ торговлѣ, и въ возрожденіи города изъ развалинъ. Но едва ли не болѣе поучительный примѣръ или урокъ представляетъ собой Николаевъ, который, благодаря бывшему своему губернатору г. Глазевалу, сдѣлался торговымъ портомъ. Однако можно ли сравнивать Николаевскій портъ съ Севастопольскимъ? Путь отъ послѣдняго до Константинополя или на западъ Европы гораздо короче; онъ даже короче пути отъ Одессы. Севастопольскій портъ никогда не замерзаетъ; входъ въ него открытъ во всякое время и не представляетъ собой такого длиннаго, извилистаго пути какъ Бугскій лиманъ, по которому иногда ларусныя суда пробираются недѣлю, даже двѣ: производительный районъ тяготящій къ Николаевскому порту и самъ по себѣ не великъ, и тѣснится Одесскимъ. А

частью и Херсонскимъ портами, и притомъ на долю его достались такія мѣстности гдѣ неурожаи повторяются чаще чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ южной Россіи. Однако, несмотря на всѣ эти неудобства, Николаевскій портъ вступила въ небезсильное соперничество съ Одесскимъ, отпуская въ иные годы болѣе двухъ милліоновъ четвертей зерна. При разумномъ направленіи нашихъ южныхъ и частью юговосточныхъ дорогъ Севастопольскій портъ и относительно производительнаго района имѣлъ бы преимущество предъ Николаевскимъ: къ нему тяготѣли бы, кромѣ полуострова Крыма, который уже сталъ обнаруживать свои производительныя силы, лучшіе уѣзды Таврической губернии (они же лучшіе и во всѣхъ трехъ нашихъ южныхъ губерніяхъ) Бердянскій, Мелитопольскій и Днѣпровскій. И это тяготѣніе безо всякаго сомнѣнія отразилось бы на значительной части бассейновъ Дона, Волги и даже далѣе на востокъ.

Удивляешься когда слышишь сужденія подобнаго рода: сдѣлать Севастополь торговымъ портомъ, а потомъ, когда откроется возможность развить наши южныя морскія боевыя силы, передѣлывать его въ военный: это будетъ своего рода ломка. Кажется что тѣ думающіе такъ не совсѣмъ ясно понимаютъ что такое торговля. Эта промышленность одна изъ тѣхъ которыя отличаются своею подвижностію; ее можно назвать промышленностію кочевую: приурочившись къ одной мѣстности, она тотчасъ бросаетъ ее какъ только найдетъ другую болѣе выгодную. Мы очень хорошо помнимъ то время когда шла рѣчь объ открытіи торговаго порта въ Николаевѣ. Противники этого порта громко говорили что торговое дѣло никогда не можетъ ужиться съ военнымъ, что Одесса уже насиженное мѣсто для торговли, что въ этомъ городѣ сосредоточены капиталы, что ни одна одесская торговая фирма не перенесетъ своей дѣятельности въ Николаевъ, а другія фирмы едва ли найдутся и т. д. Но такъ ли вышло на дѣлѣ? Здѣсь повторилась исторія самая обычная въ торговомъ мірѣ: и насиженнымъ гнѣздомъ не подорожили, и капиталы полились въ Николаевъ, даже преимущественно изъ одесскихъ фирмъ. Но мы на этотъ разъ имѣемъ другой, неизмѣримо крупнѣе приведеннаго примѣръ, — примѣръ печальнѣйшій для насъ, потому что онъ касается почти всей нашей отпускнуой торговли. Давно ли мы думали что Россія и особенно югъ ея — житаницы

для Западной Европы, что безъ русскаго хлѣба тамъ умрутъ съ голода, особливо Англичане, что мы всегда будемъ имѣть первенствующее мѣсто на западно-европейскихъ хлѣбныхъ рынкахъ, но увя! что же случилось и притомъ въ такое короткое время на нашихъ глазахъ? Не только Америка, но какая нибудь только начавшаяся колонизоваться Австралія, гдѣ нѣтъ и трехъ милліоновъ жителей, даже Индія, эта по сложившемуся у насъ понятію страна риса и пряностей, стала душить насъ своими хлѣбами и чуть не отодвинула насъ на европейскихъ рынкахъ на самыя послѣднія мѣста. Такую-то прочность имѣютъ для торговли такъ-называемыя насипенныя торговыя мѣста!

„Борьба за существованіе“ — фактъ неоспоримый кокорый для всякаго очевидецъ и извѣстенъ былъ искони. Сопоставимъ двухъ бойцовъ за свое существованіе на такой гостеприимнѣйшей бухтѣ какъ Севастопольская: флотъ военный и торговый. Чѣмъ кончится ихъ борьба? Во первыхъ, мы должны согласиться что какъ бы Россія ни напрягала свои силы создать на Черномъ Морѣ такой флотъ при которомъ не оставалось бы мѣста для торговыхъ судовъ, все же скоро она этого дѣла не сдѣлаетъ; следовательно борьба за существованіе между пушками и кѣлами со пшеницей еще долго не начнется, имѣя такой просторъ какой представляетъ бухта. Въ вторыхъ, при начавшейся борьбѣ почему, имѣя въ виду общегосударственную пользу, военный флотъ при всемъ его первенствующемъ значеніи не могъ бы поступиться своимъ просторомъ торговцѣмъ? Для мелкихъ военныхъ судовъ на нашемъ Черноморскомъ побережьи есть и другія удобныя мѣстечки. Теперь, когда только что возникаетъ нашъ военный флотъ на Черномъ Морѣ, хотятъ для торговли отвести Сѣверную сторону Севастопольской бухты, куда и предполагаютъ проложить вѣтвь желѣзной дороги. Но и безъ этого отвода сама торговля перейдетъ туда какъ только увидитъ тѣсноту на Южной и перейдетъ мало-по-малу безо всякихъ потрясеній и разореній. Тамъ выстроить она себѣ и магазины, и дома, и все что нужно. Мы помнимъ Одессу когда внутри ея чуть ли не было столько же хлѣбныхъ магазиновъ сколько и домовъ; по крайней мѣрѣ первые отличались своими размѣрами; помнимъ что многие не только переулки, но и улицы занимались грудами пшеницы, которую здѣсь

персональная сотня рабочихъ, въ жаркое время по обычаю безъ рубахъ. Теперь этихъ магазиновъ почти нѣтъ; они разбѣгались вѣтъ города, образовавъ собою маленькіе городки, и дѣло это сдѣлалось исподоволь, безъ ущерба торговлѣ и даже частнымъ карманамъ. Но какъ бы заволела Одесса еслибы во время процвѣтанія хлѣбныхъ магазиновъ внутри ея вдругъ было приказано: вывести всѣ магазины за черту города? Такой же волль подниметь, имѣя на него полное право, и возражающійся Севастополь, возражающійся именно торговлѣ или чаюемъ ея. Онъ укажетъ и на свои хлѣбные магазины, и на мельницу, и на свои мостовыя, и на все что возникло изъ пепла и развалинъ. И мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе Севастопольцевъ что какъ только произнесется надъ Севастополемъ грозный приговоръ перевести торговлю на Сѣверную, то опять зачахнетъ возродившаяся въ немъ жизнь, такая отрадная, бойкая, осмысленная, и многимъ окровавленнымъ развалинамъ долго придется лежать въ своемъ безобразіи, столь тяжеломъ для русскаго сердца. Нѣтъ сомнѣнія что съ переводомъ торговаго движенія на Сѣверную, часть города переселится туда; но кто будетъ заселять теперешній Севастополь? Отставные матросы? Судьба многострадальнаго города не завидная. Назадъ тому около 30—40 лѣтъ въ Саратовѣ вся килучая дѣятельность и жизнь этого города тяготѣла къ Волгѣ, справедливо называемой кормилицей. Но вслѣдствіе нѣкоторыхъ торговыхъ условій и особливо съ проведеніемъ желѣзной дороги къ сторонѣ противоположной Волгѣ жизнь города передвинулась туда, и городъ растетъ здѣсь, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ, между тѣмъ приволжская часть его если не пустѣетъ, то и не растетъ и не отличается оживленіемъ: даже обширный гостинный дворъ, нѣкогда выстроенный въ этой мѣстности и бывший самымъ бойкимъ мѣстомъ торговли, теперь почти пустъ и какъ бы замеръ.

Единства цѣлей, вотъ чего не достаетъ намъ. Объ этомъ шла рѣчь и выше; но приведемъ одинъ примѣръ, который, при всей своей малозначительности, можетъ указать на общій складъ нашихъ мыслительныхъ силъ и сердца. Отъ Севастопольскаго вокзала по самому краю бухты, мимо городскихъ хлѣбныхъ магазиновъ и таможи (одного изъ величавыхъ зданій въ возражающемся Севастополѣ) идетъ вѣтъ желѣзной дороги и только на какихъ-нибудь сажень

триста не доходить до пристани, къ которой приставтъ пароходы или къ тому бойкому мѣсту которое извѣстно подъ названіемъ Графской пристани. Это пространство въ триста, а можетъ-быть и въ двѣсти саженъ рѣшительно ничѣмъ не занято; и какъ бы, кажется, не дотянуть означенной вѣтви до самой пароходной пристани: какое открылось бы удобство для пассажировъ и товародвиженія! Но, говорить, нельзя, это мѣсто понадобится. Да когда? Когда-нибудь да понадобится. Да тогда и рельсы будутъ сняты. А можетъ-быть оно завтра понадобится. Какъ это напоминаетъ надобность почти всей Севастопольской бухты для только-что возраждающагося военного флота! Впрочемъ, какъ говорится, нѣтъ худа безъ добра: нуженъ заработокъ извозчикамъ какъ легковымъ такъ и ломовымъ, о которыхъ нельзя не сказать нѣсколько словъ. Прїѣзжимъ съ сѣвера въ наши крымскіе города: Симферополь, Севастополь, Ялту, Феодосію, даже въ какой-нибудь зататарѣвшійся Карасубазаръ или Бахчисарай. невольно браслется въ глаза что здѣсь легковые извозчики ѣздятъ и конечно возятъ пассажировъ парюю большею частью рослыхъ и красивыхъ лошадей, запряженныхъ въ двухъ-или четырехмѣстные фазтоны, изъ коихъ нѣкоторые отличаются щеголеватостію, даже роскошью, а всѣ вообще—чистотой. Ѣзда быстрая и едва ли она обходится дороже московской, хотя нѣрѣдко совершаемой на полуразвалившихся, чахлахъ, тѣсныхъ дрожкахъ, тащимыхъ клячей хромоу и нѣрѣдко ободранною. Татары вообще любятъ лошадей; большинство тамошнихъ извозчиковъ Татары, съ которыхъ берутъ примѣръ и Русскіе. У ломовыхъ извозчиковъ обыкновенно дроги окованы, нѣрѣдко окрашены и непремѣнно на желѣзныхъ осяхъ, съ колесами, также конечно окованными и отличающимися даже своего рода изяществомъ, то-есть это не тѣ колеса у которыхъ ступицы чуть не въ аршинъ длины, обода и спицы толстѣйшіе. Какъ сложились на югѣ Россіи такія средства передвиженія, этого вопроса рѣшать не буду, но намель не лишнимъ констатировать самый фактъ.

Въ первой половинѣ моихъ набросковъ я ошибкой гостиницу Киста называя гостиницей Ветцеля, правда, также безукоризненно чисто и честно содержимую, какъ и первая. Г. Киста я давно зналъ, постоянно останавливался у него; пользовался его добрымъ гостеприимствомъ и въ прошедшее лѣто. Видя изъ окна занимаемаго нумера въ его

гостиницѣ пилаку толстыхъ бревенъ дѣса на топливо, я возмущался до глубины души этимъ варварствомъ и думалъ: почему бы не замѣнить древеснаго топлива минеральнымъ, и почему бы такому гражданину-старожилу, свидѣтелю варварскаго истребленія крымскихъ дѣсовъ, первому не подать на этотъ разъ благаго примѣра?

Опять о дѣсахъ... Не могу не говорить и кстати, и не кстати объ этомъ важномъ вопросѣ.

Крымскіе города растутъ; растутъ поселенія близъ крымскихъ горъ, а частью и внутри ихъ; множатся среди красоты южнобережской природы дачи и даже заводы, и все это отапливается жалкими остатками уцѣлѣвшихъ дѣсовъ крымскаго горнаго, сравнительно небольшого края. Этого одного, то-есть потребленія крымскихъ дѣсовъ на топливо, достаточно чтобы весь крымскій край менѣ чѣмъ въ полстолѣтіе превратился въ дѣль безжизненныхъ, почти лишенныхъ всякой растительности уваловъ, безъ возможности вновь покрыть ихъ дѣсами. Если мы въ теченіе столѣтняго нашего владѣнія Крымомъ сумѣли истребить по меньшей мѣрѣ $\frac{3}{4}$ прежнихъ дѣсовъ, не кладя на счеты оставшюся на горахъ жалкую дѣсную поросль и кустарники, заступившіе мѣсто древесной растительности, то вышелоожженный срокъ по всей справедливости можетъ назваться слишкомъ милостивымъ. Правда, Крымскія горы, съ выходомъ значительной части Татаръ, не имѣютъ прежняго боѣе многолюднаго населенія; но неприхотливая жизнь этого народа, самыя постройки ихъ или точнѣе печи въ нихъ требовали сравнительно ничтожнаго количества горючихъ матеріаловъ; мы не ошибемся если скажемъ что на топливо Татары исключительно употребляли суньякъ и валежники; теперь же преимущественно рубятся на дрова 25ти-50ти и 100-лѣтнія здоровыя деревья; ибо чѣмъ крупнѣе бревно, тѣмъ оно выше дѣяется какъ топливо. Но неужели мы допустимъ до такой плачевнѣйшей участи перль Русской земли, вѣкогда купленный цѣной русской крови Крымъ? Почему не узаконить чтобы дѣсь на дрова употреблялся только изъ устроенныхъ дачъ, гдѣ дѣсь возобновляется, а не истребляется? Почему приостановилась общиная правительствомъ мѣна частныхъ дѣсныхъ дачъ на казенныя степныя земли? Почему, вопреки закону, козы, которыхъ можно считать сараачей для дѣсной поросли, пасутся, правда вмѣстѣ съ овцами или правильнѣе

подъ прикрытїемъ ихъ, среди лѣсовъ? Почему не подождать предѣлъ грубѣйшему произволу земствъ, съ каждымъ трехлѣтїемъ варварски возвышающихъ налоги, изъ-за которыхъ многие и сводятъ свои лѣса? Наконецъ, почему не сдѣлать обязательнымъ употребленіе минеральнаго топлива по крайней мѣрѣ для казенныхъ, общественныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ зданій (напр. гостиницъ, бань и т. п.)? Если къ какой мѣстности эта мѣра могла бы быть примѣнена, то именно къ крымскимъ поморскимъ городамъ, которые моремъ соединяются съ богатѣйшими въ мѣрѣ каменноугольными колами. Но почему бы эту мѣру не примѣнить и къ другимъ городамъ, гдѣ лѣсовъ осталось мало и минеральное топливо можетъ обойтись даже дешевле древеснаго? Во время послѣдней Всероссийской выставки одна фирма вызывалась поставлять оленскій уголь въ Москву, какъ слышно, ежегодно пожарающую до 15 тыс. дес. лѣсу, и доказывала что здѣсь отопленіе каменнымъ углемъ обойдется дешевле на 33%. Чего бы казалось лучше! Почему бы Москвѣ, этому средоточію и Русскаго народа, и русскихъ благихъ желаній, не показать примѣра другимъ? Почему бы въ Москвѣ не сдѣлать обязательнымъ употребленіе минеральнаго топлива для множества находящихся въ ней казенныхъ и общественныхъ зданій, церквей, гостиницъ, трактировъ, бань? Нѣтъ, какъ угодно, мы бездомники; мы не любимъ родной земли, мы любимъ только самихъ себя. Вотъ, земства, гдѣ бы вы могли явить русскому миру свой хозяйственный разумъ; а выборъ архiereевъ, протоiereевъ, іереевъ, діаконзовъ и псаломщиковъ предоставьте другимъ, которые понимаютъ это дѣло неизмѣримо лучше чѣмъ вы. Простите, благосклонный читатель, я немного увлекся, но вы не знаете что истребленіе лѣсовъ въ дорогомъ для насъ съ вами отчествѣ самое большое и притомъ застарѣлое мѣсто въ моемъ сердцѣ. На прощанье же пожелаемъ кумно ото всей полноты души чтобы слава втораго Севастополя была славнѣе перваго, чтобы многострадальный городъ зажилъ полною и притомъ чисто-русскою жизнью, чтобы во всемъ онъ походилъ на рогу изобилія, чтобы процвѣтали въ немъ образованіе, торговля и разнаго рода промышленность (кромя кожевенной), и чтобы возражающійся нашъ боевой флотъ превзошелъ своими доблестями морскія силы всего міра.

ИВ. ПАЛИМПСЕСТОВЪ.

5 мая 1885.

т. сѣвѣтп.

13